

СИМВОЛИКА ДАРОВ СЕМЬЕ ХАНА КУЧУМА

Evgeny Pchelov

THE SYMBOLISM OF THE GIFTS TO THE FAMILY OF KUCHUM KHAN

The article analyzes the complex of gifts, granted in 1599 to the captive relatives of the Siberian Kuchum Khan. The inventory of gifts lists donations of clothing and can be an interesting source not only on the history of everyday life, but also the symbolism of these gifts. In this aspect, this source has not yet attracted the attention of researchers. The inventory of gifts separates the male part of Kuchum's family from the female one. The list of dresses (coats, caftans, etc.) testifies to a certain symbolic hierarchy of colors and furs in the culture of the time. The author reveals the following hierarchy of colour: golden – white and red – green – blue. The hierarchy of furs is as follows: marten – sable, fox – squirrel. These symbolic hierarchies correspond to the cultural symbolism of the period of Muscovy.

Keywords: Siberia; gifts; clothing; colour; fur.

Статья посвящена анализу комплекса даров, которыми были пожалованы в 1599 г. попавшие в плен родственники сибирского хана Кучума. Роспись даров перечисляет пожалования одеждой и может быть интересна в качестве источника не только по истории повседневности, но и с точки зрения символики этих пожалований. В этом аспекте данный источник ещё не привлекал внимание исследователей. Перечисление даров отделяет мужскую часть родни Кучума от женской. Перечень платья (шуб, кафтанов и др.) позволяет выявить символические иерархии цветов и мехов в культуре того времени. Определена следующая цветовая иерархия: золотой – белый и красный – зелёный – голубой. Иерархия мехов выглядит следующим образом: куница – соболь, лисица – белка. Эти символические иерархии в целом соответствуют культурной символике эпохи Московского царства.

Ключевые слова: Сибирь; дары; одежда; цвет; мех.

Утром 20 августа 1598 г. на левобережье средней Оби русское войско в количестве 400 человек во главе с тарским воеводой Андреем Матвеевичем Воейковым нанесло сокрушительное поражение сибирскому хану Кучуму (происходившему из ветви потомков Чингисхана Шейбанидов), который имел более 500 воинов [Скрынников, с. 218–219]¹. В сражении погибли несколько родичей хана, князей и мурз и почти всё татарское войско, но самому хану удалось спастись – он «утёк» с двумя слугами в лодке по Оби. В плен попали жёны, сыновья и другие ханские родственники. Военные силы Кучума были полностью подорваны – при нём остались лишь трое сыновей и около 30 воинов. Русские власти предложили Кучуму поступить на государеву службу и приехать в Москву, обещая воссоединение с семьёй и «царское жалованье». Но несмотря на то, что Кучум «нынеча стал глух, и слеп, и безо всякого живота» [Скрынников, с. 220], он отказался от этого предложения и «скрылся для истории»², отправившись в ногайские кочевья. Там в возрасте около 60 лет он был убит ногайцами, мстившими за набеги его отца Муртазы (сына сибирского хана Ибака) на их юрты или же не хотевшими из-за Кучума портить отношения с Москвой [Трепавлов, с. 375; Султанов]³. Так закончилась история Сибирского ханства и завершилась эпопея, начатая походом Ермака в последние годы царствования Ивана Грозного.

В сражении на реке Оби были пленены следующие представители семейства Кучума: восемь его жён, пять сыновей, восемь дочерей, две невестки, внук и внучка, а также другие более отдалённые родственники. На службе у московского царя уже находились сын Кучума царевич Абу-л-Хайр, захваченный в плен в 1591 г., и племянник Кучума царевич Маметкул, пленённый ещё Ермаком в 1582 г. Захваченных родичей Кучума следовало привезти в Москву. В памяти «татарскому» переводчику Вельямину Степанову, который должен был «переписать» всё Кучумово семейство, указывалось:

...А царевичем и царицам и мурзам сказати, что царева Кучюмова перед Государем многая неправда, и над ним за его неправду так Бог и учинил, а они б не сумнялися, Великий Государь Царь и Великий Князь Борис Федоровичь, всеа Руси Самодержец, милостив, казнить их не велит, по своему Царскому милосердому обычею, и велит их устроить, как им быти без нужи.

[Акты исторические, с. 9].

15 января 1599 г. все Кучумовы родственники были пожалованы от государя платьем, роспись которого сохранилась при памяти

¹ Воейков погиб в 1607 г. во время Смутного времени, он попал в плен к самозванцу Лжепетру и был убит по его приказу.

² Выражение Н. М. Карамзина [Карамзин].

³ О предполагаемом возрасте Кучума см.: [Трепавлов, с. 209–210].

Андреяну Григорьевичу Ярцову и переводчику Степану Полуханову [Акты исторические, с. 16–18]⁴. Этот документ даёт замечательную возможность выявить некоторые символические иерархии ряда элементов культуры применительно к России конца XVI в. Рассмотрим его подробнее.

Вначале перечислим пленённых сыновей Кучума. Это были Асманак (двадцати трех лет), Шаим (шестнадцати лет), Бибадша (Бибадшах⁵, восьми лет, сын старшей жены Кучума Салтаным), Молла (Мулла, четырех лет, сын четвертой жены Кучума Актолун) и годовалый Кумыш, сын второй жены Кучума Сюйдеджан. Кроме того, в плен попал и внук Кучума, сын царевича Алея (Али) Янсюерь (Джансюерь) четырех лет. Все они, а также несколько мурз получили одежду – ферязи, кафтаны, шапки и сапоги. Кафтаны не получили только мурзы и самый младший из сыновей хана – маленький царевич Кумыш.

Ферязи были из сукна: для двух старших сыновей, Асманака и Шаима, из багреца, для Бибадши, Моллы и Янсюеря – из лундыша, а для маленького Кумыша – из камки кизылбашской, то есть из персидского шёлка. Сукно ферязей Асманака и Шаима было червчатым, то есть красным (багряным). Ферязи из сукна сорта лундыш были зелёные. А шёлк для ферязцев Кумыша был «ал да зелен». Далее, трём мурзам пожаловали ферязи лазоревые. Из этого перечисления можно выстроить следующую иерархию цветов: красный – зелёный – голубой. При этом одноцветные одежды были значимее многоцветных (или полосатых), что в дальнейшем будет видно и на примере женских одежд.

Этой цветовой иерархии соответствовали и шёлковые завязки на ферязях: у старших сыновей, Асманака и Шаима, они были зелёные с золотом (сами ферязи красные), у Бибадши, Моллы и Янсюеря – червчатые (сами ферязи зелёные). В данном случае красный и зелёный цвета сочетались друг с другом, но красный оставался «важнее» зелёного.

Ферязи имели меховые подкладки: у Асманака – «на корсакех», то есть на лисицах; у Шаима – «на хрептех на корсачьих», у Бибадши, Моллы и Янсюеря – «на хрептех на белых», у Кумыша – «на черевех на белых». Иными словами, лисий мех оказывается более «почётным», чем беличий, а мех с «хрептов» (то есть со спины животного), вероятно, лучше, чем с «черев» (то есть с брюшка). В то же время мех первого вида – гуще, пушистее и прочнее, а второго – легче и мягче, что важно помнить, поскольку Кумыш был годовалым ребёнком.

⁴ В этом же томе опубликованы и другие документы, связанные с разгромом Кучума и судьбой его семьи.

⁵ За уточнение тюркских антропонимов автор выражает благодарность доктору исторических наук В. В. Трепавлову.

Кафтаны царевичам были сделаны из камки (то есть из шёлковой ткани) сортов «кызылбашская» (то есть персидская⁶) и «адамашка» (дамасская). Они тоже различались по цвету. Кафтан Асманака – «шолк ал да зелен, на черевех на лисьих» (он единственный из царевичей, кто получил ещё один шёлковый летний кафтан). Кафтан Шаима – зелёный, «на черевех на лисьих». «Кафтанец» Бибадши – «камка адамашка двоелична, шолк зелен да червчат, на черевех на белых». «Кафтанец» Моллы – жёлтый, «на черевех на белых». «Кафтанец» Янсюеря – «камка адамашка двоелична, шолк зелен да рудожолт, на черевех на белых». Кумыш «кафтанца» вовсе не получил. Здесь также выделяется символическая пара «лисица – белка» и сохраняется иерархия цветов: красный (алый, «червчатый») – зелёный (в паре «красный и зелёный» сочетание красного и зелёного названо прежде сочетания зелёного и красного), а также добавляется жёлтый цвет. Использование меха с брюшка для кафтанов обусловлено, разумеется, самим типом этой одежды, более лёгкой, чем ферязь.

Далее царевичи и мурзы получили шапки. Шапки Асманака и Шаима были сшиты из чернобурых лис, шапки Бибадши, Моллы и Янсюеря – из «червчатого» бархата, шапки мурз – из сукна «багреца» (о шапке царевича Кумыша ничего не известно). Мех – бархат – сукно – такая иерархия материалов выстраивается, исходя из этих пожалований.

Сапоги у всех царевичей были «сафьянными» и жёлтыми, у мурз – зелёными (опять-таки неясно, какие сапожки достались царевичу Кумышу).

Позднее некоторые родственники Кучума и сопровождавшие их мурзы подали государю челобитную о пожаловании им платья, обуви и денег [Акты исторические, с. 21–22]. В ответ Борис Годунов вновь одарил царевичей, цариц, царевен и мурз – роспись этих пожалований более краткая, но она тоже небезынтересна.

Два старших сына Кучума получили «фerezи багрецовые на черевех на лисьих»; Бибадша, Молла и Янсюерь – «фerezи, сукно лундыш, на черевех на песцовых»; а мурзы – ферязи, «сукно настрафил на черевех на белых». Здесь очевидна следующая иерархия: «лисица – песец – белка». (Все царицы и царевны получили по шубе, «по цветной по тотарской».) [Там же, с. 22–23].

Теперь обратимся к женским нарядам. Всего в плен попало 19 женщин Кучумова семейства. Это восемь жён Кучума: Салтаным (Султаным), Суйдеджан, Яндевлет (Джандевлет), Актолун, Аксюрюк, Шевлель (Шевлели), Кубул, Чепшан. Кроме того, две невестки – Хан-заде, дочь ногайского бия Дин-Ахмеда, жена старшего сына Алея, и Данай, дочь ногайского бия Уруса, вдова другого сына, Каная, погибшего в сражении на Оби. Далее – восемь дочерей хана: Кумыз, четырнадца-

⁶ Кызылбаши (букв. – «красноголовые») – собирательное название нескольких кочевых тюркских племён, обосновавшихся в Персии.

ти или двенадцати лет [Акты исторические, с. 20, 23]; Тулунбек (трех лет), дочь первой жены; Дерпадша (десяти лет), Мундур (шести лет) и Карачан (трех лет) – дочери второй жены; Гулсыфат (Гюльсыфат, четырнадцати лет), дочь четвертой жены; Акханым (трех лет), дочь пятой жены; Азеп-Салтана (Азеп-Султан, одиннадцати лет), дочь шестой жены. И наконец, внучка Кучума, дочь царевича Каная и царевны Данай Наврузбека (Наурузбеки). 15 января 1599 г. все они были пожалованы шубами.

Шубы были сшиты из камки (шёлка) и атласа, а у царевны Ханзаде (старшей невестки Кучума) – из бархата. Интересен цвет материалов. У всех жён Кучума, кроме, вероятно, только самой младшей, камка шуб была одноцветной: у первой жены – «рудо-жёлтой» (то есть красновато-жёлтой, видимо, под цвет золота), у второй – белой, у четвертой и шестой – жёлтой; у восьмой жены на шубе «атлас полосат, шолк зелен да червчат». У невестки Кучума Ханзаде «шелк зелен, голуб и черн с золотом», у другой невестки, Данай, «полоски мелкие, шелк червчат, желт». У дочерей шубы были полосаты, или «двоеличны» – шёлк «червчат да бел», «бел да червчат», «ал да зелен» («червчат да зелен»), «зелен да бел, да вишневы», «бел, багров да червчат», «зелен да червчат». У внучки Кучума «шубка дорога, полоски мелкие, шолк бел да червчат». Очевидно, что одноцветные шубы были более «почётными», чем двух- или трёхцветные (полосатые), а приблизительная иерархия цветов выстраивается следующим образом: золотой (жёлтый) – белый и красный – зелёный. Примечательно, что одноцветной красной шубы, видимо, ни у кого не было.

Меха шуб были такими: у первой жены шуба «на куницах», у второй – «на пупках на собольих», у третьей – «на черевех на белых» (у всех трёх шубы опушены атласом). У остальных жён, у невестки Данай и у двух дочерей (Гюльсыфат и Азеп-Султан) – «на хрептех на белых, опушены хрепты ж», у остальных дочерей и внучки – «на черевех на белых, пушены черевы ж». Здесь, конечно, не наблюдается однозначно чёткой иерархии мехов. Кроме того, при пожалованиях имел значение возраст: так, например, судя по росписи, царевна Гюльсыфат получила даже две (!) шубы. Но в целом среди мехов прослеживается такое «старшинство»: куница – соболь – белка. Примечательно, что «традиционная» для Руси куница, лишённые меха шкурки которой когда-то выполняли функцию денег (что отразилось в названии денежной единицы), занимает первое место, «опережая» даже, казалось бы, более дорогого соболя. При этом мех соболя представлен в виде «пупков», то есть мягкого меха с брюшка. Вероятно, и здесь в целом «хрепты» более почётны, чем «черева», хотя однозначно утверждать это сложно.

Ещё один любопытный факт связан со старшей невесткой Кучума Ханзаде. Её шуба «на хрептех на белых» «опушена горностаи».

Поскольку эта царевна была женой старшего сына и наследника хана, вероятно, горноста́й призван был подчеркнуть её особый статус⁷.

Подробнее всего в росписи описаны шубы трёх старших Кучумовых жён. Шуба Салтаным была из «рудо-жёлтой» камки на куницах, опушена атласом с серебром, «круг ее и по швом круживо, шолк черн с серебром». У Сюйдеджан – шуба из белой камки «адамашки на пупках собольих опушена атласом золотным», «круг ее и по швом шолк червчат да чорн с золотом». У Яндевлет – шуба «из камки адамашки на белых черевех кругом опушена атласом золотным», «по швом плетенки, шолк червчат с золотом». Из этого описания видно, что общий «колорит» шубы первой жены был золотым, а второй – серебряным. Пуговицы на шубе Салтаным были «корольковыми», то есть из кораллов, а на шубах двух следующих жён – серебряными. Наконец, в нарядах двух первых жён Кучума и его старшей невестки присутствовало сочетание чёрного с золотом.

Итак, можно думать, что в колорите и материале всех пожалованных одежд сообразно статусу одариваемых соблюдалась определённая символическая иерархия. Цветовая иерархия выглядит следующим образом: золотой (именно золотой, а не жёлтый) – красный и белый (серебряный) – зелёный – голубой. При этом оказывается весьма значимым сочетание красного и зелёного цветов. Эта иерархия полностью соответствует общей символической последовательности цветов, характерной для культуры периода Московского царства. Особое значение золотого цвета, а также распространённость красного уже отмечались в научной литературе [Бусева-Давыдова]. Существенным было и сочетание красного и зелёного цветов, наблюдаемое на протяжении всего XVII в. [Пчелов].

В мехах можно проследить следующие иерархии: «куница – соболь – белка», «лисица – белка». Беличий мех, вероятно, считался наименее значимым. Что же касается наиболее «почётных», то здесь, по видимому, ситуация не была однозначной. Во всяком случае, возможно, меха различались по гендерному признаку – в таком варианте куница оказывалась «женским» мехом, а лисица – «мужским».

Список литературы

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею : в 5 т. СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. Т. 2. 482 с.
Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 гг. М. : Университет. типография, 1889. С. 108–109.

⁷ Здесь иерархии определяются на основании данного конкретного источника; в других случаях могут, вероятно, получиться иные системы: так, судя по «государеву жалованью» «грузинскому» (кахетинскому) царю и «черкасским» (кабардинским) князьям (апрель 1589 г.), иерархия мехов выглядит следующим образом: соболь – горноста́й – куница [Белокуров]. Ясак с сибирских народов собирался прежде всего соболями.

- Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен : Россия семнадцатого столетия. М.: Индрик, 2008. С. 58, 238–240.
- Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Наука, 1989. Т. 11, стлб. 17.
- Пчелов Е. В. Цветовая символика власти в русской культуре // Труды Русской антропологической школы. Вып. 10. М. : РГГУ, 2012. С. 66–84.
- Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск : Наука, 1982. 318 с.
- Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды : Судьба и власть. М. : АСТ ; АСТ Москва, 2006. С. 288–289.
- Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Восточная литература РАН, 2001. 752 с.

References

- Akty' istoricheskie, sobranny'e i izdanny'e Arheograficheskoyu Kommissieyu* [Historical Acta Collected and Published by the Archaeographic Commission]. (1841). Vol. 2. 482 p. Sankt Petersburg, Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. kancelarii.
- Belokurov, S. A. (1889). *Snosheniya Rossii s Kavkazom* [Russian-Caucasus Relations]. Vol. 1: 1578–1613 gg. (pp. 108–109). Moscow, Universitetskaya tip.
- Buseva-Davydova, I. L. (2008). *Kultura i iskusstvo v epohu peremen. Rossiya semnadcatogo stoletiya* [Culture and Art in Times of Change: Russia in the 17th Century]. P. 58, 238–240. Moscow, Indrik.
- Karamzin, N. M. (1989). *Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State]. Book 3. Vol. 11, stlb. 17. Moscow, : Nauka.
- Pchelov, E. V. (2012). *Cvetovaya simbolika vlasti v russkoj kulture* [Colour Symbolism of Power in Russian Culture]. In *Trudy "Russkoj antropologicheskoy shkoly"*, Vol. 10, pp. 66–84. Moscow, RGGU.
- Skrynnikov, R. G. (1982). *Sibirskaya ekspediciya Ermaka* [Yermak's Siberian Expedition]. 318 p. Novosibirsk, Nauka.
- Sultanov, T. I. (2006). *Chingiz-han i Chingizid. Sudba i vlast* [Genghis Khan and Chingisids. Life and Power]. Pp. 288–289. Moscow, AST, AST Moskva.
- Trepavlov, V. V. (2001). *Istoriya Nogajskoj Ordy* [The History of the Nogai Horde]. 752 p. Moscow, Izdatelskaya firma "Vostochnaya literature" RAN.

The article was submitted on 10.06.2015

**Евгений Владимирович
Пчелов,**
кандидат исторических наук,
Историко-архивный институт
Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия
evg-pchelov@yandex.ru

Evgeny Pchelov, Dr.,
Russian State University
of the Humanities,
Moscow, Russia
evg-pchelov@yandex.ru